

«Песнопения на Литургии св. Иоанна Златоуста грузинского (кахетинского) распева» Н.С. Кленовского. История создания (по документам фонда Х.Н. Гроздова)

Появление «Песнопений на Литургии св. Иоанна Златоуста грузинского (кахетинского) распева» Николая Семеновича Кленовского (1853–1915) было встречено с большим воодушевлением и стало значительным событием в музыкальной жизни Москвы и Санкт-Петербурга.

Литургия была высоко оценена выдающимися деятелями в области духовной музыки (С.В. Смоленским, А.Д. Кастальским, В.С. Орловым) и оказалась столь востребованной, что начала исполняться задолго до публикации. Уже весной 1901 года песнопения Литургии звучали под сводами Успенского собора Московского кремля в исполнении Синодального хора.

«Что же касается до русской публики, то ей, по-видимому, пришлось по вкусу Литургия г. Кленовского, — писал А.Д. Кастальский за несколько месяцев до выхода ее из печати. — Песнопения исполняются в Московском Успенском соборе, из его “Обедни” Синодальный хор поет с полгода уже несколько номеров за службами в Успенском соборе, и некоторые номера даже нравятся “завсегдатаям” — словом, она привьется. Давай Бог!»¹

К моменту выхода в свет «Песнопений...» имя автора — композитора Кленовского — было уже хорошо известно. Еще во время обучения в Московской консерватории одаренный студент выступал как дирижер на оперных спектаклях учащихся. В качестве концертмейстера и помощника Николая Рубинштейна разучивал с исполнителями студенческого оркестра только что написанную тогда оперу «Евгений Онегин». Петр Ильич Чайковский, преподававший Кленовскому курс гармонии и инструментовки, отмечал музыкальную одаренность своего ученика: «В Консерватории есть теперь один очень талантливый молодой человек: Кленовский <...> я должен

¹ РНММ, ф.370, №496

признать, что, за исключением Танеева, это самый талантливый из всех известных мне учеников консерватории. У него сильный талант»².

По окончании с золотой медалью Московской консерватории Кленовский работал дирижером в провинциальных городах Российской империи. А после возвращения в Москву (с 1883 по 1893 годы) был композитором балетной музыки при Дирекции Московских императорских театров. В 1885 году на сцене Московского Большого театра был поставлен первый балет 28-летнего композитора — «Прелести гашиша, или Остров роз», имевший большой успех. Балет долго не сходил со сцены театра. А через год в этом же театре состоялась премьера еще одного балета на музыку Кленовского — «Светлана, славянская княжна», получившая в прессе самую высокую оценку. Помимо этого, Николай Семенович написал музыку и к драматическим спектаклям Малого театра: «Мессалина», «Антоний и Клеопатра», «Орлеанская дева».

Музыкальная этнография привлекала Кленовского еще со времен учебы в консерватории. 11 марта 1893 года в большом зале Московского Дворянского собрания он организовал «Первый российский этнографический концерт», составленный из народных песен в его собственной гармонизации. Концерт имел очень большой успех. Прозвучавшие произведения были изданы П.И. Юргенсоном отдельным сборником в 1894 году. Присутствовавший на концерте директор Синодального училища Степан Васильевич Смоленский был поражен впервые в жизни услышанными, по его словам, столь превосходно гармонизованными и разработанными русскими песнями. Он познакомился с Кленовским и пригласил его на должность преподавателя гармонии к себе в Синодальное училище.

«Кленовский — очень хороший и способный музыкант и дирижер, даже и композитор, энергичный и знающий», — писал он позднее.³

² Из письма к Н.Ф. фон Мекк от 19/31.III.1878. ЧПСС. Т. VII. С. 190.

Поэтому неудивительно, что когда композитор привез свою рукопись в Москву и перед передачей в духовно–цензурный комитет показал ее всем представителям синодального училища, Смоленский не возвратил ее автору, а сразу же отдал литографировать для исполнения. Вскоре Кленовскому пришло письмо: «Литургию мы пели раза три. Очень хороша, местами же возвышенно — превосходна»⁴³

История появления «Песнопения на Литургии св. Иоанна Златоуста грузинского (кахетинского) распева» частично изложена Кленовским в предисловии к публикации. Она начинается с переезда Николая Семеновича в Тифлис в 1894 году в связи с назначением его на должность директора Тифлисского музыкального училища и дирижера Тифлисского отделения Русского музыкального общества. Здесь Кленовский активно дирижировал симфоническими концертами Общества, а также написал несколько фортепианных и хоровых сочинений. Здесь же зародился его интерес к грузинской народной музыке, началось ее изучение. «При моих занятиях музыкальной этнографией грузин, — писал он, — меня особенно занимало церковное их пение, интересное своими ладами и оригинальными каденциями. Поэтому первую моею задачею было — разыскать знатоков древнего, по преданию дошедшего до наших дней, безыскусственного и неиспорченного новшествами церковного пения, и записать от них церковные мелодии, а затем — дать свойственную ладам этих мелодий гармоническую обработку, приспособив их к исполнению при богослужениях, и издав их с церковно-славянским текстом, дабы этим путем и грузинский распев получил возможность стать таким же достоянием русской православной церкви, каким являются распевы болгарский, греческий и др.»⁴

3 С.В.Смоленский: Воспоминания/Ред.: Н.И.Кабанова, М.П.Рахманова. М., 2002, РДМДМ, т.IV, с.473

4 РНММ, ф.370, №474

5 Письмо Х.Н. Гроздова к А.Д.Кастальскому от 08.11.1901. РДМДМ, т. V, с.455

Задача оказалась очень сложной, по крайней мере, в отношении Кахетии, всегда представлявшей собой колыбель гражданственности Грузии, ее церковного и культурного развития и вообще главной хранительницы народно-грузинских традиций. Дело в том, что живых носителей грузинской полифонической традиции к тому времени почти не осталось, а молодые певцы по многим причинам были слабо знакомы с древним грузинским церковным пением.

В это время и состоялась знаменательная встреча композитора с директором народных училищ Тифлисской губернии Х.Н. Гроздовым, много лет живущем в Грузии. Встреча быстро переросла в крепкую дружбу. «Я очень рад, что Вы познакомились и сошлись с Николаем Семеновичем, моим лучшим другом. Это милый человек и выдающийся музыкант-этнограф», — писал Гроздов Кастальскому⁵.

Именно Х.Н. Гроздов предоставил Кленовскому хранившуюся в его семье бесценную рукопись трехголосной Литургии кахетинского распева, сделанную его тестем — Андреем Егоровичем Мревловым (Мревлишвили) еще в начале 40-х годов XIX непосредственно под диктовку настоятеля Шуамтинского монастыря, архимандрита Софрония — выдающегося знатока древне-кахетинского церковного пения. Андрей Егорович был в свое время известным педагогом в Кутаиси, любящим и прекрасно знающим народное грузинское пение. Он очень дорожил этой записью и считал ее не просто ценным этнографическим материалом, а «единственным в своем роде памятником подлинного, не испорченного посторонними влияниями, грузинского церковного пения»⁶.

Эта древняя запись и легла в основу Литургии Кленовского.

Свой труд Кленовский посвятил Христофору Николаевичу Гроздову.

6 Н.Кленовский. «Песнопения на Литургии св. Иоанна Златоуста Грузинского (Кахетинского) распева». Санкт-Петербург, 1902 г. Предисловие /РНММ, Ф.370 №633, с.3-4

Примечательно, что Гроздов не только предоставил рукопись композитору. Он принимал самое непосредственное участие в ее обработке и переводе с грузинского языка. Эта кропотливая работа отчетливо прослеживается по документам, хранящимся в личном фонде Гроздова (Ф.370 РНММ).

Изначально песнопения Литургии были записаны А.Е. Мревловым на грузинском языке мелким неразборчивым почерком (с подстрочной транскрипцией грузинских букв). Заглавные буквы отсутствуют. Песнопения не только не подписаны, но порой даже не отделены друг от друга согласно правилам. Без знания грузинского языка и специфики богослужения очень непросто определить, где какое песнопение расположено. Для Кленовского, который не владел грузинским языком и, вероятно, не был большим знатоком богослужебных песнопений, расшифровка рукописи могло стать задачей невыполнимой. Дружеская помощь Гроздова, хорошо знающего грузинский язык и местные певческие традиции, была, конечно, незаменима. Кроме того, Гроздов в свое время блестяще закончил Московскую духовную академию и прекрасно разбирался в порядке богослужения и особенностях церковных песнопений. В архиве Гроздова имелись и другие записи Мревлова.

По сохранившимся архивным рукописям мы можем проследить, как Христофор Николаевич переписывал песнопения первоисточника. Как делал транскрипции текста, переводил с грузинского на русский язык «Приидите, поклонимся», «Святой Боже», «Аллилуиа», Прокимен «Буди Господи милость Твоя на нас, якоже уповахом на Тя», «Херувимская песнь» и др. Ниже он специально оставлял пустые нотные строки для дальнейшей работы по гармонизации.

Позднее, по просьбе друга, Гроздов прислал переводы на грузинский язык всех песнопений. Кленовский сообщал: «Вчера получил от Юргенсона корректуру грузинской обедни и “многая лета”. Юргенсон разбил обедню на 12 номеров. Издает партитуру и голоса и просит проставить заголовки отдельных номеров на грузинском языке. Вот Ваш список: I. Ектении. Слава

и ныне. Единородный. II. Приидите поклонимся. Господи, спаси
благочестивыя и Святыи Боже. III. Прокимны воскресны 8 гласов. IV.
Аллилуия по Апостоле. Слава Тебе Господи и ектении. V. Херувимская
песнь. VI. Ектения по Херувимской песни, Отца и Сына и Верую. VII.
Милость мира и «Тебе поем». VIII. Достойно. IX. Отче наш. Един свят. X.
Хвалите Господа с небес. XI. Благословен грядый. Тело Христово. Видехом
свет, Да исполнятся уста наша и О имени Господни. XII. Буди имя Господне
и проч. Благочестивейшего и Многолетие. Будьте любезны как можно скорее
переведите все это на грузинский язык и пришлите мне, я отошлю
Юргенсону»⁷. 6

Не удивительно, что на экземпляре «Песнопений...», хранящемся в фонде
Гроздова, стоит дарственная надпись от Кленовского: «Дорогому другу
моему — Христофору Николаевичу Гроздову — инициатору и сотруднику
моему по обработке песнопений. Исключительно благодаря его энергии и
опыту появился на Божий свет этот оригинальный труд. Признательный
автор. Санкт-Петербург. 8 июля 1902 г.»

Не смотря на несомненные художественные достоинства Литургии, после ее
выхода из печати в 1902 году на страницах «Русской музыкальной газеты»
развернулась оживленная дискуссия. Предметом обсуждения стали как
способ гармонизации, так и рукопись, положенная в основу Литургии.

Инициатор дискуссии Компанейский, признавая, что «Кленовский оказал
русской церкви большую услугу, познакомив ее с грузинским распевом»,
считал, что гармонизировать грузинские церковные напевы Кленовский
должен был «в грузинском духе», с учетом ладовых особенностей
грузинских напевов и сомневался в возможности приложения гармонизации
Кленовского к народной грузинской музыке, создаваемой по другим
принципам. Кроме того, Компанейский полагал, что изначально в
Шуамтинском монастыре был зафиксирован не древний оригинальный

⁷ РНММ, ф.370, №477

одноголосый распев, а его поздняя «испорченная русским влиянием трехголосная версия»⁷.

Компанейского поддержал Д.И. Аракчиев, упрекающий Кленовского в том, что его обработка песнопений близка русским, но чужда грузинам:

«Существует яркий, выработанный веками собственный способ выражения, собственный грузинский духовно-музыкальный язык. Куда же все это делось?»⁸.

В защиту Кленовского на страницах «Русской музыкальной газеты» выступила А.А. Гроздова (урожденная Мревлова). Она раскрыла историю появления рукописи (при каких обстоятельствах была записана Литургия), а в завершении отметила: «Могу сказать лишь одно: и в своих обработках грузинских народных песен, и в своей гармонической обработке церковных песнопений г. Кленовский более чем кто-либо до него сумел сохранить дух и характер грузинской народной гармонии; за его обедню всякий грузин скажет ему большое сердечное спасибо: с первого же «Господи помилуй» он невольно почувствует и узнает в ней свои родные звуки, несмотря на их пышный наряд».

И, наконец, со страниц «Русской музыкальной газеты» прозвучало слово А.Д. Кастальского: «В грузинском хоровом пении есть очень интересный и своеобразный облик, — писал он, — которому гармонизация г. Кленовского вовсе не противоречит, и окончания полными аккордами вместо унисонов и пустых квинт вовсе не производит впечатления не народности...

И с чем следует безусловно согласиться с гг. Компанейским и Аракчиевым, так это с тем, что рукопись, принадлежащая г-же Гроздовой, действительно представляет большой музыкальный интерес и, конечно, появление ее в печати можно только приветствовать от всего сердца»⁹.

7 РМГ, 1902, №42, Стб. 1009

8 РМГ, 1902, №51-52, Стб. 1297

9 РМГ, №51-52, Стб. 1292-1293

Подводя итог, мы можем сказать, что, несомненно, вся музыкальная деятельность Кленовского в Грузии как собирателя и исследователя грузинских народных песен, как композитора и дирижера сыграла немалую роль в развитии музыкальной культуры Грузии. Из многих русских деятелей, работавших в Грузии на рубеже XIX и XX веков, вклад в сохранение памятников грузинской культуры Н.С. Кленовского и Х.Н. Гроздова — один из самых значительных.